

Книга первая

Счастливые войны

Небо над Лондоном сияло оранжевым и багряным великолепием. Создавалось впечатление, что за линию горизонта одновременно опускается дюжина тропических солнц. Многочисленные лучи прожекторов сбегались в пучки, чтобы, замерев на миг, снова разбежаться в разные стороны. В небе то и дело возникали и тут же расплывались черные облачка разрывов, а время от времени сильнейшая огненная вспышка на какое-то мгновение заставляла замереть пламя пожаров. Трассы зенитных снарядов были похожи на гирлянды огней рождественской елки.

— Чистый Тернер! — восхитился Гай Краучбек, впервые ставший свидетелем столь очаровательного зрелища.

— Скорее, Джон Мартин, — не согласился Йэн Килбэнок.

— Нет, — решительно заявил Гай. Он не мог позволить бывшему спортивному журналисту вносить коррективы в свои суждения из сферы изящных искусств. — Только не Мартин. Линия горизонта слишком низка, да и масштаб отнюдь не эпический.

Они стояли в самом начале Сент-Джеймс-стрит. Чуть дальше весело полыхал клуб «Черепашки».

ха», и отблески пламени придавали карикатурный вид фасадам зданий начиная от домов на Пиккадилли и кончая дворцом.

— В любом случае здесь слишком шумно, чтобы продолжать дискуссию.

В близлежащем парке грохотали зенитки. Где-то в районе вокзала Виктория прогремела серия взрывов.

С мостовой напротив «Черепахи» группа прогрессивных новеллистов, облаченных в униформу пожарных, лила жиденькую струю воды в окна комнаты для утреннего отдыха.

Гай вспомнил Страстную субботу в Даунсайте. Тогда он был еще совсем ребенком. В его памяти встало ветреное мартовское утро, снова увидел широко распахнутые двери недостроенного крыла аббатства, заходящихся в кашле школьников, трепещущее на ветру белье, пылающую жаровню и священника с кропильницей. Казалось, что патер, как это ни парадоксально, благословляет пламя святой водой.

— «Черепаха» всегда была неважным клубом, — заметил Йэн. — Мой родитель был его членом.

Он зажег погасшую сигару, и в тот же миг где-то на уровне их колен какой-то голос произнес:

— Немедленно погасите огонь!

— Абсолютно нелепое предложение, — сказал Йэн.

Они перегнулись через находящиеся рядом петиры и где-то в глубинах узрели каску, украшенную буквами «ГПО» — Гражданская противовоздушная оборона.

— Уйдите в укрытие, — продолжил голос.

Над их головами, во всяком случае, так им показалось, послышался нарастающий вой, за которым

последовал сильнейший удар, от которого под их ногами дрогнули камни мостовой. Где-то чуть севернее Пиккадилли небо вспыхнуло ослепительным белым сиянием, а еще оставшиеся целыми стекла окна разлетелись, осыпав улицу смертельно опасным дождем осколков.

— А ведь он, пожалуй, прав. Давай-ка оставим это дело гражданским.

Пехотинец и летчик бодрой рысцой двинулись к ступеням, ведущим в «Беллами». Когда они добрались до ступеней клуба, гул моторов над их головами стих и ночную тишину нарушало лишь потрескивание пламени горящей «Черехахи».

— Весьма ободряющая картина, — сказал Гай.

— Тебе все это в новинку. Но когда картина повторяется из ночи в ночь, становится скучно. Кроме того, все эти носящиеся во все стороны пожарные машины и кареты «скорой помощи» делают наблюдение довольно опасным. Что касается меня, то я предпочел бы провести отпуск в Африке. Но этот выживший из ума маршал авиации не желает меня отпускать. Боюсь, что он воспылил ко мне любовь.

— Ты не должен себя винить. Чего-чего, а этого никто не мог ожидать.

— Естественно.

В вестибюле их с преувеличенной почтительностью приветствовал ночной портье Джоуб. Он уже успел приложиться к бутылке. Его работа в окружении зеркального стекла вела к одиночеству и тайла массу опасностей. Поэтому в этом сезоне никто на него не ворчал, когда он позволял себе немного расслабиться. Сегодня Джоуб изображал — сильно при этом переживая — театрального дворецкого.

— Добрый вечер, сэр. Добро пожаловать домой в Англию, где вы будете пребывать в полной безопасности. Добрый вечер, милорд. Маршал авиации Бич находится в бильярдной.

— О Боже.

— Я посчитал, что будет уместно предупредить вас, милорд.

— Весьма уместно.

— Говорят, что на улице по сточным канавам ручьями текут виски и бренди.

— Ничего подобного, Джоуб.

— Так меня проинформировал полковник Блэкхаус. Он сказал, что все запасы алкоголя клуба «Черепаша», джентльмены, бесполезно уходят в канализацию.

— Мы этого не видели.

— В таком случае, милорд, можете не сомневаться, что все канавы успели осушить пожарные.

Гай и Йэн прошли в холл.

— Выходит, твой маршал авиации все же стал членом клуба.

— Всех это потрясло. Но выборы проходили в то время, которое газеты окрестили «Битвой за Англию», и королевские ВВС на какой-то краткий миг обрели чуть ли ни респектабельность.

— Думаю, что на мне это событие отразится менее скверно, чем на тебе.

— Друг мой, это кошмар для всех. Поверь.

Поскольку окна в комнате для игры в карты разнесло взрывом, любители бриджа, прихватив с собой листы с расписанными пулями, расположились в общем зале.

Если в сточных канавах на улице виски и бренди все же замечены не были, то здесь они действительно лились рекой.

- Привет, Гай. Давненько тебя не видел.
- Я только сегодня вернулся из Африки.
- Странное время ты для этого выбрал. Я на твоём месте предпочёл бы задержаться там.
- Меня отослали домой, поскольку я впал в немилость.
- В прошлой войне, когда парни впадали в немилость, их обычно отправляли в Африку. Что будешь пить?
- Гай объяснил обстоятельства своего отъезда.
- С улицы подошли ещё несколько членов клуба.
- Снаружи все спокойно.
- А Джоуб сказал, что улицы кишат пьяными пожарными.
- Джоуб сам надрался.
- Да, на этой неделе он не просыхает. Не смею его осуждать.
- Два бокала вина, Парсонс.
- Но часть прислуги должна оставаться трезвой. Хотя бы на некоторое время.
- А под бильярдным столом засел какой-то парень.
- Кто-то из прислуги?
- Я его прежде не видел.
- Пожалуйста, виски, Парсонс.
- Надеюсь, что нам не придется давать приют ребятам из «Черепахи».
- Они обязательно явятся, как только отмоются. Робкие, тихие парни, которые не причинят нам беспокойства.
- Три виски с содой, Парсонс, пожалуйста.
- Ты слышал, в какое дерьмо Гай угодил в Дакаре? Поведай им, Гай. Классная история.
- Гай поведал им классную историю. В этот вечер повторять рассказ ему пришлось ещё не единожды.

Из бильярдной появился его зять Артур Бокс-Бендер. Артур был без пиджака, и его сопровождал дружок — тоже член парламента — по имени Элдербери. Тип, надо сказать, довольно мерзкий.

— Ты знаешь, что помешало мне положить последний шар? — сказал Элдербери. — Я на кого-то наступил.

— На кого?

— Я с ним не знаком. Он сидел под столом, и я наступил ему на руку.

— Потрясающе! Он что, вылез?

— Нет. Он прошипел: «Проклятие!»

— Не могу поверить. Парсонс, под бильярдным столом действительно кто-то засел?

— Да, сэр. Новый член клуба.

— Что он там делает?

— Говорит, что подчиняется приказу, сэр.

Два или три любителя бриджа отправились исследовать необычный феномен.

— Парсонс, что означают эти слухи о винных ручьях на улице?

— Я не покидал помещения, сэр. Но многие члены об этом говорят.

Из бильярдной вернулся разведывательный отряд с докладом:

— Все полностью соответствует действительности. Под столом сидит какой-то парень.

— Я помню, что там в свое время любил сживать этот бедолага Бинки Каванаг.

— Бинки был психом.

— Что же, не побоюсь высказать предположение, что таковым является и этот парень.

— Привет, Гай, — сказал Бокс-Бендер. — А я думал, что ты в Африке.

Гаю пришлось рассказать зятю свою историю.
— Неловко получилось, — заметил Бокс-Бендер.

Томми Блэкхаус с ним согласился.

— Томми, это ты сказал Джоубу о ручьях вина на улице. Как понимать твои слова?

— Это он мне сказал. Я даже выглянул на улицу, чтобы проверить. Не увидел ни капли.

— А в бильярдную ты не заходил?

— Нет.

— Пойди взгляни. Там есть на что стоит посмотреть.

Гай составил компанию Томми. В бильярдной было полно народу, но никто не играл. В тени под столом виднелась фигура человека.

— Как вам там живется? — ласковым тоном поинтересовался Томми. — Может быть, хотите выпить? Или еще что-нибудь?

— Большое спасибо, я в полном порядке. Я всего лишь следую приказу. Во время воздушного налета каждый свободный от службы офицер или рядовой обязан вне зависимости от того, где в этот момент находится, проследовать в ближайшее и наиболее надежное укрытие. Считаю, что, как старший по званию, я должен показывать пример.

— Так точно, сэр. Но не кажется ли вам, что для нас всех там не хватит места?

— Вам следовало укрыться под лестницей или в подвале.

Фигура под бильярдным столом оказалась маршалом авиации. Томми был профессиональным военным, которому еще предстояло делать карьеру, поэтому при встрече со старшим по званию офицером, вне зависимости от рода войск, он всегда старался выглядеть приятным парнем.

— Думаю, что все закончилось, сэр.

— Я не слышал сигнала отбоя.

В этот момент раздался звук сирены, и из-под бильярдного стола выбрался и поднялся на ноги седой, крепко сбитый человек.

— Добрый вечер.

— Краучбек? Я не ошибаюсь? Мы встречались у леди Килбэнок.

Маршал авиации потянулся и стряхнул с себя пыль.

— Мне необходим автомобиль. Позвоните в штаб ВВС, Краучбек, и попросите их прислать сюда машину.

Гай позвонил в колокольчик.

— Парсонс, передайте Джоубу, что маршал желает вызвать машину.

— Будет сделано, сэр.

В крошечных глазках маршала авиации вспыхнул огонек подозрения. Он хотел что-то сказать, но тут же передумал.

— Благодарю, — бросил он и вышел из бильярдной.

— Ты никогда не был чрезмерно общительным, Гай, не так ли?

— Боже? Неужели я гадко себя повел с этим жалким негодяем?

— Боюсь, что он при следующей встрече взглянет на тебя не очень дружелюбно.

— Надеюсь, что он на меня вообще больше не взглянет.

— Должен сказать, что он не такой плохой парень и в настоящее время делает много полезного.

— Не могу представить, какую пользу маршал может принести мне.

— Война будет долгой, Гай. И прежде чем она закончится, может потребоваться помощь всех друзей. Весьма сожалею о твоих неприятностях в Дакаре. Мне вчера попало на глаза твое личное дело. Впрочем, не думаю, что возникнут какие-то серьезные последствия. Там встречаются кое-какие чертовски глупые положения. Тебе следует сделать так, чтобы оно как можно быстрее попало в верхние эшелоны. До того как пройдет через множество рук.

— Как, черт побери, это сделать?

— Рассказывай о нем.

— Я это делаю.

— Продолжай рассказывать. Повсюду имеются уши.

— У Вирджинии все в порядке? — спросил Гай.

— Насколько мне известно, да. Она съехала с «Клэриджа». Кто-то сказал, что Вирджиния вообще уехала из Лондона. Бомбежки пришлись ей не по вкусу.

По тому, как это было произнесено, Гай понял, что с Вирджинией, возможно, что-то не так.

— Похоже, что ты идешь в гору, Томми.

— О, я просто кручусь поблизости от начальства. Похоже, что возникает весьма привлекательный вариант, о котором я пока не вправе говорить. Через пару дней буду знать точно. Возможно, мне удастся тебя пристроить. Ты уже появлялся в своей части?

— Собираюсь это сделать завтра. Я только сегодня сошел на берег.

— Будь осторожен, иначе можешь попасть под общую раздачу. Я бы на твоём месте как можно больше торчал в «Беллами». В наше время именно здесь раздают самые забавные посты. Конечно, если ты хочешь получить не самую унылую работу.

- Естественно, хочу.
- В таком случае не пропадай.

Они вернулись в зал. После отбоя воздушной тревоги там стало заметно свободнее. Маршал авиации, сидя на каминной решетке, беседовал с двумя членами парламента.

— ...Элдербери, вы, заднескамеечники, можете совершить многое, если возьметесь за дело. Давите на министерства. Продолжайте давить...

Йэн Килбэнок словно в театральном фарсе осторожно высунул голову из дверей туалета, в котором скрывался от своего начальства. Увидев шефа, он попытался поспешно втянуть голову обратно, но, увы, опоздал.

— А, Йэн. Вы как раз тот человек, который мне нужен. Двигайте в штаб, узнайте обстановку и позвоните мне домой.

— Узнать о сегодняшнем налете, сэр? Думаю, что он закончился. Они попали в «Черепашу».

— Нет-нет. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Речь идет о моей вчерашней дискуссии с маршалом авиации Даймом.

— Я не присутствовал на обсуждении, сэр. Вы меня отослали.

— Тем не менее вам следует быть в курсе...

Однако начинающаяся выволочка так и не обрела законченного вида. Последний мощный аккорд, как хотелось маршалу, так и не прозвучал, поскольку из вестибюля появилась весьма странно иллюминированная фигура. Это был Джоуб. Разыгрывая лишь одному ему известный спектакль, он прихватил из обеденного зала серебряный канделябр с шестью рожками. Джоуб держал этот осветительный прибор в высоко поднятой руке, и его лив-

рею украшали шесть восковых пятен. Присутствующие словно замороженные наблюдали, как эта фантазмагорическая фигура двигается в сторону маршала. Не дойдя нескольких шагов, Джоуб отвесил поклон, и расплавленный воск выплеснулся с канделябра на ковер перед ним.

— Сэр, — торжественным тоном объявил он, — экипаж подан.

Произнеся эти слова, он развернулся и походкой лунатика двинулся туда, откуда появился.

На какой-то момент в зале воцарилась тишина.

— Этот человек... этот человек... — начал маршал авиации, но его голос утонул в общем хохоте.

Элдербери по складу характера был человеком серьезным, но шутка Джоуба повергла его в восторг, который можно было бы назвать несколько экстравагантным. Член палаты общин был зол на маршала авиации, так как не смог положить легкий шар в лузу, наступив на руку сидевшего под столом воина.

— Наш старый, добрый Джоуб, — фыркнул он.

— Одна из его самых лучших выходов.

— Слава небесам, что я задержался и увидел это.

— Чем бы был «Беллами» без него?

— Это дело следует обмыть. Парсонс, выпивку для всех!

Маршал авиации переводил взгляд с одной радостной физиономии на другую. Даже Бокс-Бендер источал веселье, а Йэн Килбэнок ржал даже более непристойно, чем все остальные.

Маршал поднялся с решетки:

— Могу подбросить тех, кому со мной по дороге. Есть желающие?

Лиц, двигающихся в одном с ним направлении, в «Беллами» не оказалось.

Когда маршал авиации закрыл за собой двери, через которые за последние две сотни лет проходили вельможи, шулера, дуэлисты и государственные мужи, он далеко не в первый раз за свое короткое членство спросил себя: так ли респектабелен клуб «Беллами», как о нем говорят?

Как только маршал уселся в машину, снова взвыли сирены воздушной тревоги.

— Домой, — бросил маршал. — Думаю, мы проскочим.

Когда Гай добрался до своего отеля, снова началась бомбежка. Но теперь бомбы падали значительно дальше — где-то в районе доков. Спал он спокойно, а когда его окончательно разбудил сигнал отбоя, встававшее из-за горизонта солнце боролось за обладание небом с заревом пожаров.

Утром ему следовало прибыть в казармы, и он чувствовал себя так же неуверенно, как и в тот день, когда впервые встал под знамена.

Поезда через Черринг-Кросс шли почти по расписанию. Все места в вагоне были заняты. Он поставил один чемодан поперек прохода, а второй — в паре ярдов от первого, создав себе таким образом сидячее место и линию обороны.

Большую часть мест в вагонах занимали военнослужащие со значками корпуса алебардчиков, и их общим местом назначения был казарменный городок. Солдаты забрасывали свои вещмешки в ожидавшие их грузовики и сами карабкались в кузов. Компания молодых офицеров втиснулась в два таксомотора. А в третьем такси в полном одиночестве поехал Гай. Когда он проезжал через КПП, ему показалось, что часовой выглядит как-то нелепо. Такси подкатило к дому Офицерского собрания. Там было пусто. Две первые машины уехали в направ-

лении новых казарм. Оставив багаж в вестибюле, Гай двинулся через площадь к штабному помещению. Навстречу ему шагал взвод солдат с ведрами в руках. Лица воинов, утратив, словно по прихоти Цирцеи, человеческий облик, стали походить на морды каких-то животных. Чей-то придушенный голос скомандовал:

— Равнение направо!

Десять свинных рыл, как будто сошедших с картин Иеронима Босха, повернулись в его сторону.

Растерявшийся от неожиданности Гай автоматически бросил:

— Вольно, капрал!

Он вошел в кабинет начальника штаба и, встав по стойке «смирно», отдал честь. На него из-за стола посмотрели две отвратительные рожи из парусины, резины и талька. Глухой, словно из-под одеяла, голос произнес:

— Где ваш противогаз?

— Остался с остальными вещами в прихожей
Офицерского собрания.

— Немедленно отправляйтесь туда и наденьте газовую маску!

Гай отсалютовал, сделал поворот «кругом» и замаршировал к зданию Офицерского собрания. Он натянул противогаз и поправил фуражку перед зеркалом. Всего лишь год назад в этом зеркале он видел парадный головной убор, высокий, синий воротник и свое целеустремленное, полное надежды лицо, теперь же в стекле отражался безобразный хобот. Огорченный своим видом, Гай вернулся в штаб.

Проходящая по плацу рота на сей раз целиком состояла из нормальных, розовощеких лиц. Находящиеся в канцелярии начальник штаба и старшина сидели с открытыми лицами.

— Снимите эту штуковину, — сказал начальник штаба. — Уже двенадцатый час.

Гай стянул противогаз и по всей форме оставил его висеть на груди, дабы тот просушился.

— Неужели вы не знакомы с действующей инструкцией?

— Никак нет, сэр.

— Какого дьявола вы не удосужились это сделать?

— Я только сегодня прибыл из Африки для дальнейшего прохождения службы.

— В таком случае зарубите себе на носу — каждую среду с десяти ноль-ноль до одиннадцати ноль-ноль военнослужащие всех рангов обязаны принимать меры предосторожности на случай газовой атаки. Это постоянно действующее распоряжение.

— Слушаюсь, сэр!

— А теперь доложите, кто вы такой и чего вам надо.

— Лейтенант Краучбек, сэр. Второй батальон Королевской бригады алебардчиков.

— Чушь. Второй батальон пребывает за границей.

— Я сошел с корабля вчера, сэр.

По завершении маскарада с противогазами в памяти присутствующих стали всплывать образы недавнего прошлого.

— Ведь мы с вами раньше встречались, — сказал Гай.

Он узнал в начальнике штаба безымянного майора, ныне пониженного в звании до капитана. Майор возник в Пенкирке, а три дня спустя исчез в Бруквуде.

— Когда началась та большая суматоха, вы командовали ротой.

— Точно. Простите великодушно за то, что я вас не узнал. С тех пор пришлось пережить множество суматошных дней, и через мои руки прошла масса парней. Как вы сюда попали? Разве вы не должны находиться сейчас во Фритауне?

— Значит, вы меня не ждали?

— Ни слова не получил. Боюсь, что ваши бумаги попали в учебный центр. Или в Пенкирк, где расквартирован пятый батальон. А может быть, в Брук-Парк к шестому батальону. Нельзя исключать и того, что они могли оказаться в Штабе специальных операций. За пару последних месяцев мы дьявольски разбухли. Не успеваем следить за бумагами. Что же, здесь у меня дел не осталось. Продолжайте, старшина. Если я вам вдруг понадобится, вы найдете меня в Офицерском собрании. Пошли, Краучбек.

Они вместе вошли в вестибюль. Гай не узнал помещения, где во время Дня посещений потянул колена. Над камином, на месте картины «Неколебимое каре», остался лишь темный прямоугольник. Рында с голландского фрегата, знамя горного племени африди, золоченый бирманский идол, кираса наполеоновских времен, барабан Ашанти, круговая чаша из Барбадоса и мушкет Типу-Султана тоже исчезли.

— Чертовски скверный вид, не так ли? Когда начались налеты, все, что можно, упрятали под землю, — поймав печальный взгляд Гая, сказал начальник штаба и в качестве еще одной яркой иллюстрации мирового падения нравов добавил: — Я тоже потерял одну звездочку.

— Весьма печальное событие, — ответил Гай.

— Честно говоря, я этого ожидал, — продолжил начальник штаба. — Очередное звание мне полага-

лось только через два года, но я считал, что война сможет несколько ускорить события. Для большинства парней так и случилось. Пару месяцев мне тоже везло. Но затем все пошло прахом.

Огня в камине не было.

— А здесь, однако, холодно, — заметил Гай.

— Точно. Никакой топки до вечера. Выпивки тоже не положено.

— Наверное, так обстоит повсюду?

— Ничего подобного, — сердито бросил начальник штаба. — В других частях ухитряются обеспечить вполне достойное существование. Однако у нашего командира сильно изменился характер. В настоящий момент у нас на повестке дня аскетизм. Начальство верит, что так же обстоят дела во всем корпусе алебардчиков. Поэтому мы ютимся по четыре человека в комнате, а взнос на коллективную кормежку урезан наполовину. По существу, мы перебиваемся лишь на пайке. Подобно диким зверям. — Последняя фраза была произнесена горестным тоном, показавшимся Гаю не очень убедительным. — На вашем месте я не стал бы у нас задерживаться. Да, кстати, каким образом вы здесь очутились?

— Прибыл вместе с бригадным. — Гаю казалось, что это будет самым подходящим объяснением. — Вам, конечно, известно, что он вернулся домой.

— Впервые слышу.

— Вы знаете, что он ранен?

— Нет. До нас, похоже, ничего не доходит. Видимо, они потеряли наш адрес. Корпус алебардчиков прекрасно существовал в прежнем составе. Расширение доставило всем чертовски много неприятностей. У меня отняли денщика. Отняли человека,

который верой и правдой служил мне восемь лет. Теперь приходится делить какого-то старого дохода с полковым врачом. Вот до чего мы докатились. Они даже ликвидировали оркестр.

— Ну и холодище же здесь.

— В моем кабинете есть отопление, но там все время трезвонит телефон. Выбор за вами.

— И что же я теперь должен делать?

— Для меня, дружище, вы еще в Африке. Вас можно было бы отправить в краткосрочный отпуск, но вы не находитесь в нашем распоряжении. Может быть, вы желаете встретиться с командиром? Он мог бы это устроить.

— С тем, у кого изменился характер?

— Ужасно изменился.

— Я не вижу причин для того, чтобы его беспокоить.

— Ясно.

— И что же дальше?

Некоторое время они смотрели друг на друга с безнадежным видом, стоя у каминной решетки.

— У вас с собой должно быть командировочное предписание.

— Ничего у меня нет. Меня отправили, как неодушевленную посылку. Бригадир оставил меня в аэропорту, сказав, что свяжется со мной.

Создавалось впечатление, что начальник штаба на этом исчерпал весь убогий репертуар официальных возможностей.

— Трудно представить, чтобы подобное могло случиться в мирное время, — вздохнул он.

— Совершенно верно.

Гай видел, как безымянный солдат собирает всю свою волю, чтобы решиться на отчаянный шаг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая	
СЧАСТЛИВЫЕ ВОИНЫ	7
Интерлюдия	174
Книга вторая	
МЕСТО В ОБЩЕЙ КАРТИНЕ	187
Эпилог	406